

Сергей СЕРГЕЕВ

«ДУШОЙ БОГАТ, НО ДОЛЕЙ СИР...»

Несколько слов о Г. Д. Гребенщикове

В последние годы стало модным вспоминать «обиженных» судьбою людей: изгнанных и вычеркнутых из исторического оборота, хотя прошли многие десятилетия со времени деятельности некоторых из них; вынужденных уехать и вытравляемых из народной памяти неблагонамеренными общественными кругами; покинувших родину по слабости человеческой; по другим причинам ушедших в небытие людей. Не отвернуться от этого.

Исследуют их жизненный путь и стараются вывести некую общую линию поведения, создать заданную программу жизни, судьбы, рока, неизбежности именно такой судьбы. Однако у каждого героя свои обстоятельства исхода.

Вспоминают и по другой причине, — ищут в их творчестве некую общую социально-культурную неизбежность, возникшую в момент исхода, якобы объективные обстоятельства, хотя мотивы их поведения (их философское кредо) разные, более того — разноречивые.

Но что роднит тех, кто **теперь** интерпретирует их жизнь, их творчество: собственное восприятие прошлых деятелей? личностное понимание их философии? простое резонерство? Нет: на нас давит современность; мы все время оглядываемся, ощущаем затылок дыхания времени, сиюминутность; и мысль невольно направляет перо на нивелирование концепции, взгляда, подхода к прошлым явлениям. Мы слишком зависим от повседневности, потому и невозможно дать действительную («объективную») оценку прошлому без современного восприятия, без «личностного» понимания ушедшей эпохи и прошлых деятелей. «Мы, люди нового времени, — это говорит Г. Гегель в «Энциклопедии философских наук», § 31, — благодаря всему нашему образованию посвящены в представления, которые нам очень трудно преступить, так как эти представления обладают

глубочайшим содержанием». Более того, нам кажется (мы уверены!), что личный взгляд, оценочный подход каждого из нас отражает общественное сознание нашего времени — и оно якобы синхронно объективному ходу истории.

Заблуждение.

Может быть, — скажет любой читатель, — автор этих строк избежал заблуждения, поскольку он общие известные положения исторического материализма выдвигает вперед? Увы, потому и он взялся за перо, что «в последние годы стало модным...»

СУРОВЫЙ СЫН СИБИРИ. Однако смею заверить, что отнюдь не конъюнктурные соображения толкнули на писательский зуд именно теперь. Я, собственно, ждал какого-то толчка, повода.

Не менее десяти лет назад мне приходилось настойчиво и безуспешно втягивать хорошо знакомую мне еще с конца пятидесятых годов нашу замечательную учительницу, собирательницу Людмилу Михайловну Остергаг в авторы краеведческого сборника «Славный Алтай-Камень». У Людмилы Михайловны я-таки смог «вырвать» материал о писателе Е. Н. Пермитине, и речь зашла о Гребенщикове. Пошел торг: в обмен на письма Е. Пермитина в сборник я обещал передать фотокопии обнаруженных мною в архиве писем Г. Гребенщикова для помещения в экспозицию Литературного музея (тогда еще в школе № 27). Сборник застрял (находится в портфеле книжного издательства до сих пор), музей уже стал краевым государственным, а письма — вот они, здесь; они упомянуты в подготовленной мной книге «Славное географическое».

А толчок? Есть, — это статья А. М. Родионова «Тайна и явь Беловодья» в «Алтайской правде» за 15 декабря 1990 года.

Нет-нет, никакой критики, наоборот, отлично, что и статья появилась и что перепечатали в свободном обращении библиографическую жемчужину Г. Гребенщикова, «Алтайскую Русь», которую рассматривает А. Родионов. Мне кажется, есть возможность развернуть одно положение из статьи нашего поэта и краеведа, что суть «Алтайской Руси» «не только в подробном бытописании алтайских староверов. Я бы определил содержание очерка так — это выявление генетических корней русской социальной утопии и вместе с тем описание истоков русского религиозного протеста». Неумный человек, Александр Родионов, увидел в очерке суть проблемы, генетические корни ее, и изначальный отрок, ее исток. Итак: исток — корни — суть. Такой философский ход наличествует у Гребенщикова. В очерке, правда, нет подробного бытоописания алтайских староверов, нет и решения той сути, которую хотел видеть Александр Михайлович. И то, и другое, и третье есть в творчестве Георгия Гребенщикова. Во всем творчестве.

Возвращенный широкой публике очерк есть фактически конспект философско-исторических дефиниций, более того, мне кажется, это кредо нашего великого земляка. Хотя рассматриваемый очерк носит, скорее, историографический характер, в первую очередь для самого автора.

Надо заметить, что о Г. Д. Гребенщикове писалось в советской печати, особенно в литературоведении. О том, что он забыт, нельзя говорить. Он настолько же известен, как, скажем, Н. М. Ядринцев, А. Е. Новоселов, И. И. Тачалов и другие их сотоварищи. Хотя подобного не скажешь, например, о нашем замечательном краеведе, публицисте Д. А. Поникаровском — сокласснике и друге Ядринцева и Новоселова. Другое дело, что нас учили видеть «высокую» литературу где-то за тридевять земель, а местных пророков мы не знаем, — так в том вина всеобщего образования без местного, краеведческого просвещения. Не то было даже в недавнем прошлом, и уместно перепечатать справку о Г. Д. Гребенщикове в «Сибирской Советской Энциклопедии» за 1929 год, т. 1, стб. 740—741:

«Гребенщиков Георгий Дмитриевич — писатель-беллетрист. Родился в 1882. Печататься начал рано в сиб. газ., где помещал бытовые очерки; позже стал заниматься преимущественно журналистикой, в 1910-х гг. был редактором газ. «Жизнь Алтая» (в Барнауле). В литературу вошел с помощью М. Горького; с 1912 появляются его рассказы в столичных журналах: «Современник», «Летопись». В первом помещено гл. его произведение «Ханство Батырбека» (1913). В 1914—15 вышло 2 тома рассказов Г. «В просторах Сибири», затем последовали «Змей-Горыныч» (1916), «Степь да небо» (1917). Революция застала его на юге, откуда он позже... эмигрировал за границу, где находится и в настоящее время. За границей опубликовал большой роман «Чураевы» (Париж, 1922) из быта алтайской деревни, роман «Былина» (1925) и сборники: «Родник в пустыне» (Париж, 1922); «Путь человеческий»

(Берлин, 1922). Основные темы Г.: быт и жизнь сиб. (гл. обр., зап.-сиб.) деревни, жизнь кочевников-киргизов, в которую врывается земледельческая культура и разложение прочного сел. старо-сибирского уклада под натиском гор. культуры. Как писатель, Г. крайне неровен и часто впадает в тенденциозность, риторичку, ложный пафос и т. п. Этим особенно проникнуты произведения эмигрантского периода, где преобладают мистические настроения».

Нельзя не согласиться, что здесь достаточно емко представлен наш земляк. И не случайно К. Д. Бальмонт 11 февраля 1922 года приветствовал «сурового сына Сибири» в стихотворении «Георгию Гребенщику» почти такими же определениями:

Ты выпытал в крестьянской доле,
Как творчески идет соха
И как в страданье и неволе
Тоска взмывает взлет стиха.

Ты видел, мысля и мечтая,
Какого требует труда
В горах червонного Алтая
Золотоносная руда.

Да, он крестьянскую долю испытал, знал, какого требует труда добыча золотоносной руды, с лихвой хватил доли скитальца-журналиста, поденщика-корреспондента, неприкаянного лектора-одиночки, добывающего лишь этим промыслом натуральный хлеб себе. И столкнувшийся в годы первой мировой войны в концертах-лекциях в Сибири с Гребенщиковым, добровольный и легальный изгнанник Бальмонт пронзительно определил горькую натуру сибиряка — «Душой богат, но долей сир». И он же верно уловил питательную среду творчества писателя:

Ты принял светы талисмана
В пурге, прядущей долгий вой,
В гортанном говоре шамана,
В котором крик сторожевой.

Гребенщикоу удалось разглядеть «тайный лик» русского этника, затерянного в глуши Алтайских гор, в другом очерке «Уба и убинские люди», а «Алтайская Русь» есть прелюдия его глубоких мыслей.

РУССКИЙ ЭТНИКОС. В историко-этнографический очерк «Алтайская Русь» не надо вчитываться, т. е. искать каких-то скрытых пружи, потайных мыслей, политических намеков и — что еще? — ничего такого, что отлекало бы от основной задумки автора: «Попавши в Бухтарминский край, вы невольно переноситесь в седую старину Руси Московской, когда русские славяне в основу жизни своей полагали религиозное начало, когда религия была смыслом и целью жизни...» (это из § II). Гребенщиков «сжал» века русской истории и нравы общества и «выбросил» русских страдальцев за старую веру в верховья Иртыша: к половине XVIII столетия в горах Южного Алтая была уже целая сеть русских деревень, а через два-три десятилетия «всякий беглый сброд» представлял в Бухтарме «маленькое государство, твер-

до ставшее на ноги, благодаря упрочившемуся материальному благосостоянию и богатствам природы» (§ VII). Но благополучие, как правило, губит душу, оно вырабатывает новые богатства, требует связей с другим миром — и отшельникам пришлось обратно приниматься в русское подданство. Это произошло ровно двести лет назад. Ворвалась цивилизация.

Обретши власть — есть на кого хулу кидать.

И — все.

В § VIII: «Но передача в подданство не вытравивала в забеглых людях их стоического терпения, старой веры и дедовского взгляда на жизнь. Они твердо продолжали пребывать в состоянии все той же окаменелости». Как раз в главах VIII—XII даются отдельные наброски старого уклада, сохранения старой веры. Очень беглые и слишком общие. Гребенщиков конспективно нащупывает основные темы для будущих разработок. Собственно, в последних строчках очерка допускает возможность писать о бухтарминцах впредь: «Но, как бы то ни было, в настоящее время жизнь этих людей еще полна своеобразной мощи, делающей их совершенно не похожими на приниженного и ограниченного крестьянина центральной России».

Является ли его статья откровением для алтаеведения? Нет, он об этом сам пишет, когда ссылается на исследователей до него, в частности на Е. Ф. Шмурло, члена Алтайского подотдела Географического общества.

Еще в 1771 году Колыванов-Воскресенский округ посетил П. С. Паллас и вскопав в опубликованной книге говорил о потаенных деревеньках, о староверах с польской Ветки, о заселении русскими северо-западного Алтая. Старообрядцы, переселенные сюда из пограничной с Польшей реки Ветки, неверно понимались как поляки. Их расселили в верховьях Алея, по Убе, Ульбе. Много и толково о каменщиках писал Г. И. Спасский, он неоднократно посещал их заселки (см. «Сибирский Вестник», 1819, ч. 4). Весьма любопытны сведения у К. Ледебура и А. Бунге, которые были в 1826 году в верховьях Чарыша и Усть-Кана и приняли каменщиков за старообрядцев. Заслугу в создании истории каменщиков мы должны отнести Петру Словцову, который был в тех местах в 1811 году, и великому путешественнику Петру Семенову (Тян-Шанскому). В середине XIX столетия очень обстоятельно историю Беловодья описал С. И. Гуляев, а позже Н. М. Ядринцев, С. П. Шевцов, М. В. Шевцова, за 10—15 лет до путешествия Г. Д. Гребенщикова. Мы обязаны назвать своеобразного конкурента Гребенщикова протоирея Б. Г. Герасимова — председателя Семипалатинского подотдела Географического общества. Он путешествовал в конце первого десятилетия и в 1911 году опубликовал статью «В долине Бухтармы», а другую — в 1914.

Мария Васильевна Швецова в статьях «Из поездки в Риддерский край» и «Поляки Змеиногорского округа» с особым вниманием отнеслась к быту русских староверов. Она провела тщательный историче-

ский анализ, опираясь на уже сложившуюся в литературе традицию, уточнила правительственные акты, уточнила места поселений по документам архива горного округа. Кажется, она первая в историографии обратила внимание, что алтайские «поляки» — это особый этнографический тип русских. Вот ее краткое резюме: «Селения поляков выделяются из ряда всех остальных селений той же местности: физический тип населения, речь, костюм, жилища, внутреннее убранство последних — все это отмечено своеобразными чертами чего-то самобытного, туго поддающегося влиянию окружающего. Даже самое поверхностное наблюдение «поляков» убеждает, что перед нами особая этнографическая группа русского населения края, притом весьма устойчивая в своих характерных особенностях». М. Швецова приводит очень много фольклорных записей народных песен, обрядовых особенностей, причитаний, ее живые зарисовки являются подлинными этнографическими источниками. На ее предположения необходимо обратить внимание современным этнографам.

Несколько иной характер носят записи Гребенщикова, они у него опозитивированы, еще в «Алтайской Руси» он с благоговением прокламовал: «Слава о заселившихся в глухих Алтайских горах русских людей перенеслась далеко за пределы Урала, и хотя там не знали, где находится это обетованное новое царство, это благочестивое Беловодье, однако многие согбенные странники двинулись по пыльным сибирским дорогам искать его благодатную сень. Рабы суровой жизни, но богатырски терпеливые русские люди, через цепи и плети пошли на Беловодье, а в котомочках, всего только в заплочных котомочках, понесли с собой и вековой уклад русской были, и свою суровую устойчивость». Чувствуете, как умильно-ласково: всего только в котомочках, только в котомочках принесли русский дух, сохранили святую Русь. Это лейтмотив исторического розыска Гребенщикова. Здесь, в Рудном Алтае, в Бухтарме сохранился сколок Руси, русского славянства, истинного православия. Не дать цивилизации сокрушить этот уклад.

Сколок Руси, русского славянства в глухих землях, среди чужого аборигенного населения... Академик Ю. В. Бромлей в своей высоко теоретической книге «Этнос и этнография» определяет часть любого этноса, оказавшегося за пределами (родной) этнической территории, термином этникос. В данном случае бухтарминские славяне, убинские люди, «поляки» («Алтайская Русь») как русские, но, как говорит М. Швецова, они особая этнографическая группа русского населения. А казаки? Тоже русские, но они с «расейскими», т. е. просто русскими, не яшались, не роднились, как, впрочем, и старообрядцы или люди Беловодья. Об этих группах русских, различающихся по этнографическим признакам (постройки, одежда и т. п.); упоминает Советская Историческая Энциклопедия, т. 12, стб. 332—335: группы казаков в Сибири, старообрядческие группы — бухтарминцы (на р. Бухтарме в Казахстане), «поляки» (на Алтае) и другие. Слож-

нейшая проблема. Но, оговорюсь, Гребенщиков не об этом задумывается. Его статья «Уба и убинские люди» имеет и другой подзаголовок. Если «Алтайская Русь» есть историко-этнографический очерк, то данный очерк **литературно-этнографический**.

Статья (80 крупноформатных страниц) имеет 10 разделов, с отдельными заголовками. («Алтайская Русь» — 12 разделов, без заглавий, но всего 34 страницы текста.) Не будет, мне кажется, навязчивым прием переписки глав: заголовки дают возможность без изложения текста представить основное содержание и направленность (нацеленность) автора. Тем более, что отпечатано было всего 300 экземпляров. Вот они: I. Речная система Убы, истоки ее и устье. II. Убинские казаки. III. Деревни и люди низовьев Убы. IV. Культурный центр края — с. Шемонаиха. V. Страничка старины. VI. Убинские староверы вообще и поморское законобратное согласие в частности. VII. Средняя Уба и ее пороги. VIII. Старообрядческая женская обитель. IX. Вожди старообрядчества. X. Убинские Альпы и Ивановский хребет. Задачу статьи Гребенщиков определяет в гл. VI: «Появление на Убе русских раскольников имеет свою обширную и интересную историю, о которой мы скажем в другой работе. (Имеется в виду будущая статья «Алтайская Русь». — Авт.) В настоящем же очерке мы остановимся на кратком ознакомлении читателя с староверами на Убе в том виде, в каком они находились в последнее время и в котором находятся теперь». То есть он не собирается в данном случае делать научно-методологические обоснования или историко-этнографические поиски; намерен фиксировать реальную обстановку, де-факто, делать путевые заметки.

Этнографо-бытовое (отчасти и социальное) описание преобладает. Надо отметить, что Гребенщиков большое внимание уделяет географической среде обитания бывших каменщиков, хотя описание природы носит очерковый характер, а не научно-географический. Но зато как раз в этой статье он подробно живописует устоявшиеся обряды старой веры разного толка. В гл. VI он не только перечисляет (это есть в «Алайской Руси»), но дает подробные характеристики разным староверам — тут «единоверцы» и «староверцы», «австрийцы», «федосеевцы», «поморцы», «спасовички», «самокресты» и «оховцы» (или «воздыханцы»), «однопоклонники» (или «дырники»), «белоножки» и всякие другие: «поляки», бухтарминцы, убинцы, беловодцы, каменщики. И — никакой «социальной утопии». Проза жизни. Так же просто, как человек, онщается с Убинским Алтаем, передает свое настроение: «Вблизи меня на восток уходили широким плоскогорьем совершенно безжизненные площади вечных снегов, пегая, как пантера, и холодная, как саван, земля.

Далеко внизу, на краю зеленого и гладкого, замкнутого в горы плато, как столпившееся стадо овец, пестрым пятном выделялось с. Риддерское, а от самих ног моих бросалась вниз головокружительная пропасть-морщина, в глубине которой по

беспрерывным серым корумам то и дело рыскали рыжие сурки и их красивому и звонкому «ку-фи» где-то в сердце горы вторило длительное и рассыпчатое эхо...

И всюду на склонах висели белые снежные поля, а ниже беспрерывной зеленой щетиной ползли густые леса.

...Подложив под один из тяжелых каменной собою визитную карточку, я медленно тронулся вниз».

Жаль ему расставаться с очаровательной алтайской природой, но ему также жаль расставаться, как это видно из статьи, с тем укладом жизни, который он воспевал и думал сохранить (оградить) от внешнего разлагающего вмешательства цивилизации, городского быта: «И вообще, если всмотреться в недавнее прошлое убинских старожилов, то все, что лучшего в нем было — это патриархальность, охранявшая не только веру и чистоту нравов, но и человеческое достоинство. Этих людей не легко было превратить в безропотных и безличных рабов. Это были люди с большой человеческой душой и мягким, отзывчивым к ближнему сердцем. Всякого незнакомого странника сами позовут, накормят, обогреют и вымоют в бане. Выругаться нехорошим словом, поесть молока в пятницу, послушаться старшего — было редким и большим грехом, и оттого дети до 20 лет были целомудренны, а семейные отношения освещались согласием, взаимным уважением и мирным трудолюбием...»

Но еще больше, кажется, Г. Д. Гребенщиков был готов провозглашать и проводить свое кредо по защите благочестивой Руси от натиска в другой статье — «Бухтарминские славяне». Смотрите, какая замечательная триодь вырисовывается: 1. Алтайская Русь. 2. Река Уба и убинские люди. 3. Бухтарминские славяне. То есть: исторический взгляд, поиск исходных моментов сохранения религиозного благочестия в раскольниках (1); затем описание основного гнезда сохранившейся старообрядческой Руси в алтайском Белокаменье в образе калик переходных, горбунчиков и звероловов (2); и наконец подведение итогов, обобщение проблемы в повествовании о бухтарминских славянах (3). Здесь, в этом третьем очерке надо бы и искать тот пассаж, к чему нацеливала статья А. Родионова, ее заключительные две строки: «В годы предыдущие мы, посещая в обещанное светлое будущее, пробежали, пронесли мимо множество явлений, делающих нас русскими. Пора и оглянуться».

Кабы так.

Оно бы еще ничего.

Мы бы пожалуй.

Но зачем же «оглядываться» так, как принуждают нас руководители современной России? Зачем делать нас русскими, отвергая русскую историю и русский этнос с 1917 года? Зачем?

Мы опять — лешки, баклуши, которых надо «делать».

Разве есть какая-то разница между призывами (правильные, конечно, желанием) Гребенщикова предреволюционных времен и радетелями «святой Руси» периода «суверенитета» России 1990-го года? Никакой. Какую Русь мечтал сохранить в

алтайском Беловодье Гребенщиков, думается, более или менее ясно. По крайней мере, перечитав, всяк поймет на свой вкус. Нельзя же думать, что Гребенщиков предлагает создать резерват «Алтайская Русь» в местах расселения бывших русских славян, или, по его терминологии, — бухтарминских славян. Хоть и горько, но он понимает, что та Русь и здесь ушла: «И разве где-либо у старого дома на завалинке, в праздничную пору, вы увидите яркого выразителя подлинного сибирского крестьянства. Это какой-нибудь древний старик с костылем в высокой четырехугольной шапке, в позеленевшем от времени бархатном кафтане. Сидит он, качая старой головой, и думает о милой старине, принесенной из глубины веков, о Русской были, о чистоте и простоте былых нравов, не утраченных и под ударами неволи и испытаний за веру... А в это время (прошу обратить внимание, как верно бытийно подмечен и тонко передан для восприятия момент «гибели» старого уклада самим Гребенщиковым, а ему в то лето было 28 лет от роду. — Авт.) внучата его, подростки, рискаю поджечь амбар, где-либо в укромном месте курят базарные папиросы и знают то, о чем всю свою жизнь не знал дед, этот доживающий свои дни обломок старой Руси» (гл III).

Что же теперь? Теперь нам предлагают статью россиянами. Этот термин возродили новые политики вместе с понятием единой и неделимой России — для россиян. Ужасное заблуждение. Официоз.

При чем здесь Гребенщиков?

Затронут напрямую. Проблема та же. Понять гребенщиковских бухтарминских славян можно через дефиницию: этнографическая группа русских (не российских!), или этникос русских. Но как воспринимать теперь термин русских (этнос) «внутри» Киргизии, Узбекистана, Украины, русских в Восточно-Казахстанской области суверенного (государства) Казахстана, т. е. там же, на Бухтарме, по Убе, в Шемонаихе? Они — русские (этникос, этнографическая группа) или россияне? В современных толковых словарях нет термина (понятия) россияне, это слово осталось лишь в орфографических словарях. Нет термина и в Энциклопедическом словаре 1955 года, в котором констатируется, что «великий русский народ является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза... руководящей силой русский народ является и в мирном труде, в строительстве коммунизма...» (см. т. 3, с. 130—131; с. 141). В нескольких десятках миллионов экземпляров издан недавно Советский Энциклопедический Словарь, но и здесь нет термина «россияне» в словнике, а есть статья «Острова Россиян». Эти острова в Тихом океане, принадлежащие Франции, открыты русскими мореходами, и первооткрыватели нарекли их (каждый отдельно) именами Кутузова, Барклая-де-Толли, Крузенштерна и «др. выдающихся российских деятелей». Отлично: появился термин российский! Имели ли они тогда право именоваться российскими? Оказывается, имели. В том же СЭС в статье «Россия» мы читаем, что с 1721 по

1917 годы слово России являлось синонимом названия «Российская империя», т. е. практической территории всего СССР. Еще более популярно объяснено слово в Советской Исторической Энциклопедии, т. 12, стб. 210, хотя и там отдельной статьи «россияне» нет. Понятие «российский» стало обозначать принадлежность к определенному государству, всю совокупность территорий и населенных как русскими, так и нерусскими народами; понятие же «русские» уже с начала XVI столетия являлось названием определенной народности, т. е. русского этноса. В 1917 году Россия стала советской! (Это не мешало бы помнить некоторым ревнителям прошлого.)

Как же быть? Как быть русским (россияне?) на территории суверенной Башкирии, Татарстана? Они — русские, россияне, а башкиры в Башкирии — россияне? Башкирский этнос живет на своей территории, он — этнос башкиры, а русские в Башкирии есть ли этникос (этнос в узком смысле), или же этнос, т. е. как «россияне» и тоже на «своей» территории? Сюда примыкает то недоразумение, когда Б. Н. Ельцин призвал в рождественской декларации 1990 года зарубежных православных россиян приезжать в Россию делать бизнес. Хорошо. Но россиянин до 1917 года (а о них речь) это и русские в Белоруссии, на Украине, в Казахстане. Но россияне до 1917 года это и латыши, и украинцы, и молдаване, у них не было «государственного суверенитета», теперь — есть. Куда же возвращаться зарубежным россиянам? Разве суверенитет в России теперь, как и до 1917 года, все еще распространяется на Украину, Казахстан? А русские современного Казахстана или Литвы куда должны возвращаться? Где то государственно-правовое понятие «россияне», которым так беспечно манипулируют некоторые современные политические лидеры? Оказывается, Словарь русского языка С. И. Ожегова давно все поставил на свои места, там сохранился термин «россияне» отдельной статьей, но помечен как слово устаревшее (термин устаревший). Хорошо бы политикам знать научные достижения. (Любопытных до политики отсылаю к статьям в «Правде»: за 28 декабря 1990, с. 2 — «Неужто все мы — россияне?»; от 8 января 1991, с. 3 — «Поручик Голицын, раздайте патроны...»; от 22 января 1991, с. 3 — «Я не верю Вам, Борис Николаевич», и там же — «К созданию или... к развалу», а также статья «Второе письмо» в «Советской России» за 12 января 1991, с. 2.)

Нет возврата в «окно истории».

Нет даже возможности постоять рядом с «окном истории».

Никто еще не «заглянул» в «окно истории».

Просто надо заглянуть, чтобы увидеть то, что отвергать никому не дано.

...Страшная вещь история.

«Я УБЕДИТЕЛЬНО ПРОШУ...» Случайность правит миром, это аксиома. Если бы не так, мы имели бы возможность читать целиком статью Гребенщикова «Уба

и убинские люди», которая, оказывается, была более обширной в первоначальном варианте. В примечании «Алтайского сборника» (Барнаул, 1912, т. XI), где она опубликована, автор оговаривается: «Первый экземпляр статьи этой, будучи посланным в Алтайский подотдел в совершенно законченном виде, имел более тщательную и подробную обработку, но он не дошел до своей цели и был утерян. Поэтому данный экземпляр является вторичным и потому менее подробным». Первая рукопись, называется, дошла до цели, ее получили в подотделе, и не кто иной, как Виктор Иванович Верещагин держал ее в руках. Однако в полном варианте ее все-таки нет, как нет пока в нашем распоряжении и статьи «Бухтарминские славяне».

В феврале 1911 года преподаватель реальной гимназии В. И. Верещагин, бывший в то время за секретаря подотдела, переживал трудные, почти трагические дни: 5 февраля была утеряна рукопись. Впрочем, предоставив слово документам, пусть говорит сама история.

Документы дадут возможность внешне проследить процесс создания данной работы, до какой-то степени объективно взглянуть на жизнь Г. Д. Гребенщикова в 1910—1912 годах, взаимоотношения людей того времени, а также создадут не укладывающиеся в обычные очерковые рамки личные впечатления каждого читающего. Документы расположены строго по времени событий и относятся только к личности Г. Д. Гребенщикова, комментарии («Мнение») самые незначительные, но необходимые. Все документы сохранились в Государственном архиве Алтайского края в фонде № 81 — Общество любителей исследования Алтая (Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества).

15 декабря 1910 г.

№ 349

Господину Гребенщико

Милостивый Государь,
Георгий Дмитриевич!
Совету Алтайского подотдела известно, что Вами летом сего года было предпринято путешествие в Алтай по Убе.

Описание этого путешествия было бы весьма желательно поместить в Алтайском сборнике, XI том которого предполагается к печатанью в начале января будущего года.

Кроме того, не признаете ли удобным и возможным составить доклад о результатах поездки в Убинский край, каковой материал и представить Алтайскому подотделу для сообщения...

Пользуясь настоящим случаем, Совет подотдела имеет честь сообщить Вам... что по предложению Михаила Онисифоровича Курского, Вы избраны на Общем Собрании г. г. членом подотдела 3 декабря 1910 года членом-сотрудником и льстим себя надеждой, что не откажетесь от участия в Подотделе своими трудами.

Заступающий председателя —
За Секретаря —

Мнение. Черновик письма, без подписей. Обращаю внимание, что М. О. Курский (издатель-редактор местной газеты) сам только что избран, но рекомендует отсутствующего Г. Д. Гребенщикова.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ТОВАРИЩЕСТВО

БЫТОВАЯ СИБИРЬ

Января 25 1911 года

адр. гор. Томск

Б.-Кирпичная, № 12

Георгию Дмитриевичу

Гребенщико

В Алтайский Подотдел

Западно-Сиб. Отд.

Императорского Географ. Общ.

На основании письма Подотдела от 15 декабря с. г. за № 349, полученного мною лишь 12 января с. г., одновременно с этим письмом в особой посылке без цены посылаю Подотделу свою статью географо-этнографического описания Убинского края для напечатания в XI томе Сборников Подотдела.

При этом, оставляя за редакционным комитетом Подотдела право на некоторые исправления в смысле цензурном, я позволяю себе просить Подотдел о следующем:

1) Т. к. некоторые части рукописи посылаются в черновиках, то для предупреждения неточностей я просил бы последнюю корректуру, если можно, прислать для просмотра мне;

2) По напечатании тома я просил бы выслать мне один экземпляр полностью и пять отдельных оттисков моей статьи;

3) Ввиду того, что изложенные в моей статье материалы потребовали нескольких месяцев для их собирания и обработки, а также ввиду того, что единственными средствами для моих дальнейших научных экспедиций по Алтаю является исключительно мой литературный заработок, я просил бы подотдел, если это не противоречит Уставу Общ., статью мою по возможности оплатить, — чем и поддержать меня в моих дальнейших трудах по изучению людей и природы Алтая. Само собою разумеется, что в тесную зависимость от оплаты печатанье статьи в сборнике я не ставлю и если оплатить мой труд является почему-либо невозможным, я не настаиваю на этом, рассчитывая лишь на справедливую оценку моей работы с точки зрения ее пригодности для Сборника. <...>

С искренним уважением

Георгий Гребенщико.

(№ 7, ед. хр. 41, л. 29—29 об.)

*В Барнаульское Уездное
Полицейское Управление*

В 12 часов 5 февраля по дороге от Переселенческого Управления к метеорологической станции по улицам — Соборному переулку, солнечной стороне Гоголевской, поднимаясь к Алтайским улицам правой стороне Коношенного, солнечной стороне Бийской к первому Прудскому переулку от

угла Бийской, до угла Павловской потеряна связка в 10 листов рукописи Г. Гребенщикова «Р. Уба и убинские люди», сложенная форматом 1/8 писчего листа, к ней приложена посылочная открытка с адресом Алтайскому подотделу Географического Общества.

Сообщая об этом, Совет Подотдела просит не отказать в немедленном сообщении в случае предъявления ее в Полицейское Управление.

За председателя *А. Выдрин*
За секретаря *В. Верецагин*

В Алтайский подотдел И. Р. Г. О.

М. м. Г. г.!

2 мая вечером я сдал в собственные руки председателя совета Н. Н. Соколова свою рукопись «Убинские люди», первый экземпляр которой был советом подотдела утерян. Кроме того, я просил г. Соколова внести на обсуждение совета вопрос об ассигновании мне для научных исследований на Алтае ссуды в сумме 100 руб. в виде пособия. Н. Н. Соколов обещал мне: в первых, отдать рукопись в набор для помещения ее в XI т. сборника, а во-вторых, не требуя письменного заявления от меня, поднять в совете и вопрос о пособии.

Но прошло три месяца и я ничего не знаю ни о судьбе рукописи, ни о вопросе относит. пособия.

Ввиду этого я убедительно прошу Совет подотдела известить меня: какова же, наконец, судьба моего немалого и двухкратного труда относительно «Р. Убы и убинских людей» и не утеряна ли снова моя рукопись?..

Я верю, что в подотделе найдутся люди, которые наиболее чутко отнесутся к этой моей, чуть не в десятый раз, повторяющейся просьбе!

С почтением
Георгий Гребенщиков

(№ 9, ед. хр. 41, л. 41)

Других документов обнаружить пока не удалось, а они, несомненно, имеются. И не только в Барнаульском архиве. Г. Д. Гребенщиков прямо говорит, что отчет о сборах он направит в Томск, в Общество изучения Сибири. Надо полагать, что и само путешествие совершал за субсидию того общества, а 100 рублей от Алтайского подотдела им получены позднее: задание собрать рыб и змей (зимой!) носило формально-уставной характер, главное — статья Гребенщикова, поддержка его исследований. Но еще печальнее, конечно, это отсутствие статьи «Бухтарминские

славяне». Основной вывод, кажется, в том, что без подотдела, его первоначального предложения написать специальную статью для краеведческого сборника, и без предложения создать специальные лекции и доклады — результаты двух путешествий Гребенщикова — были бы менее значительными, чем они оказались. Все растворилось бы в мелких статьях по сибирским газетам. Статьи для поддержания жизни. Поиск наследия нашего трагического земляка не должны остановиться, может быть, кое-что вывезено за границу, может быть, обнаружится в сибирских архивах.

Да будет завтра день твой новый —
Как матери родимой зов
Туда, где реки бирюзовы,
Где много милых голосов.

Это вновь К. Д. Бальмонт, вновь поминовение о родине. Писатель не забыт. 20 сентября 1990 года в Алтайской краевой библиотеке состоялось собрание краеведов, посвященное творчеству Георгия Дмитриевича, где говорилось о необходимости написания творческой биографии писателя. О том, что нужна подобная работа, свидетельствуют тревожные наблюдения. В 1976 году вышла специальная книга Сибирского отделения АН СССР под названием: «Русская литература Сибири. XVII в. — 1970 г. Библиографический указатель, ч. I», тиражом в 2100 экз. В ней есть раздел, посвященный Г. Д. Гребенщико-ву, с. 279—282; кроме того, в других местах ему отведено место. Однако в данной библиографии не указана его большая работа «Река Уба и убинские люди». Как же о ней узнает читатель? В другой, еще более специальной книге — «Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII—начала XX в.» (М., Наука, 1979; 1550 экз.), на с. 240 ему отведено несколько строчек и дается ссылка на статью. Однако выходные данные искажены, напечатано Гребенников Г. Д. Река Уба и убинские люди: (Литературно-этнический очерк. — Записки Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО, 1911, вып. IV.) Искажена фамилия, неверно наименован очерк, не говоря уже о том, что никаких «Записок» Алтайский подотдел не издавал.

В 1992 году исполняется 110 лет со дня рождения Г. Д. Гребенщикова, и будет правильно, если Фонд культуры, краевая Краеведческая Ассоциация и Союз писателей создадут мемориальную доску (знак) в его честь. Мы не должны далее оставлять своих знаменитых земляков в забвении.